

только потому, что они потеряли способность, охоту и привычку зарабатывать свой хлѣбъ, то-есть ихъ несчастіе было въ томъ, что они были такіе же, какъ я“.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого вывода, онъ имѣетъ, однако, вѣскія основанія: нельзя, разумѣется, помогать людямъ рабочимъ, имѣющимъ возможность зарабатывать жизнь, потому что тогда пришлось бы помогать девяти десятымъ человѣческаго рода, и какъ бы ни были велики средства благотворителя, они скоро истощатся, никому не принеся существенной пользы; нельзя помогать и тѣмъ, которые не хотятъ или даже, какъ выражается графъ Толстой, потеряли способность работать, такъ какъ это легко могло бы повести къ утратѣ этой способности и въ тѣхъ, у кого она еще есть. Но отсюда слѣдуетъ только то, что помогать надо не тѣмъ категоріямъ бѣдныхъ, на которыя преимущественно наталкивался графъ Толстой, а тѣмъ, которыя работать *не могутъ*, а такіе бѣдные несомнѣнно есть.

Но остановимся на самыхъ понятіяхъ богатства и бѣдности. Понятія эти соотносительныя и противоположныя, такъ что если богатство есть зло, бѣдность должна быть благомъ, а если бѣдность есть зло, то благомъ должно быть богатство.

Но если бѣдность есть благо, то выводя изъ нея людей, мы лишаемъ ихъ блага и такимъ обра-